

A black and white photograph showing a person's head in profile, facing right. The top of the head is open, revealing a complex arrangement of electronic components, including wires, circuit boards, and various connectors. A person wearing white gloves is working on the head. One hand holds a small, thin tool or probe, while the other hand holds a small, dark rectangular object, possibly a component or a piece of tape. The background is dark and out of focus.

MalutkaSemen

*Великий эксперимент —
Несортируемый мусор*

18+

MalutkaSemen

**Великий эксперимент —
Несортируемый мусор**

«Автор»

2026

MalutkaSemen

Великий эксперимент — Несортируемый мусор /
MalutkaSemen — «Автор», 2026

Молодой учёный Илья искренне верит, что любой хаус и любую жизненную ошибку можно исправить с помощью жесткой логики, точных расчётов и технологий. Однако внезапная личная трагедия и болезненный срыв заставляют его зайти слишком далеко. На грани безумия, в заваленной проводами и пропитанной запахом канифоли квартире, он предпринимает страшную попытку обмануть реальность и подчинить себе то, что ему не принадлежит. Это мрачная психологическая драма в реалиях современного города — история об иллюзии власти над чужой жизнью, фатальной ошибке и неизбежном прозрении, за которое придётся заплатить самую высокую цену.

© MalutkaSemen, 2026

© Автор, 2026

MalutkaSemen

Великий эксперимент — Несортируемый мусор

Пролог

Провод на полу был похож на дохлую гадюку — такой же чёрный, пыльный, изгибающийся под нелепым углом между ножкой табурета и ножкой секционного стола.

В комнате пахло канифолью, дешёвым растворителем и техническим спиртом. Этот букет намертво въелся в обои, которые когда-то, лет десять назад, были бежевыми, а теперь пошли серыми разводами от сырости. За окном в три часа ночи монотонно и упрямо шелестел мелкий осенний дождь. Время от времени по стеклу проезжал бледный, желтоватый блик от одинокого фонаря во дворе, и тогда на потолке просыпались и снова умирали длинные, кривые тени.

На столе, среди россыпи мелких болтов, пинцетов и микросхем, стояла кружка с недопитым кофе. На его поверхности уже затянулась плотная, глянцевая плёнка.

Илья не спал третьи сутки. Глаза жгло так, будто под веки насыпали сухого речного песка. Каждые несколько минут левое веко начинало нервно и мелко подрагивать, но он не обращал внимания — только протирал пальцами сухие, воспалённые губы.

В углу, в тени между шкафом и батареей, стояло кресло. В нём сидела Алина.

Она была в своём любимом вязаном свитере — крупная бежевая вязка, чуть растянутый ворот. Из-под свитера виднелись кисти рук. Правая рука была живой, тонкой, с чуть содранным лаком на указательном пальце. Левая — от локтя до запястья — представляла собой обнажённый, зловеще блестящий каркас из титанового сплава, сквозь который проглядывали тончайшие силиконовые трубки с темнеющей внутри жидкостью и переплетённые пучки цветных проводов.

Алина не двигалась. Её голова была чуть наклонена вбок, будто она прислушивалась к тому, как за окном каплет вода с козырька балкона.

Илья взял со стола паяльник. Едкий, сизый дымок мгновенно потянулся вверх, к потолку, разъедая глаза. Человек наклонился к её левой руке. Пальцы его, испачканные в мазуте и подсохшей термопасте, слегка дрожали, но когда жало паяльника коснулось платы у неё на запястье, дрожь исчезла.

Раздалось тихое, едва слышное шипение. Запах жжёной изоляции на мгновение перебил запах спирта.

Вдруг в глухой тишине квартиры что-то щелкнуло. Металлический, сухо отечканенный звук — так срабатывает реле в старом холодильнике.

Пальцы на левой, механической руке Алины резко вздрагивали. Один за другим. Первый, второй, третий. Затем титановый сустав в локте повернулся с тихим, едва уловимым гулом сервопривода. Голова её медленно, рывками, поднялась.

Илья замёрз. Паяльник в его руке продолжал дымить, но он застыл, боясь даже вздохнуть.

Искусственные хрусталики в её расширенных веках сфокусировались на его лице. В них не было ни ненависти, ни боли, ни любви. Только ровный, холодный, бледный свет маленьких светодиодов, спрятанных за зрачками.

— И-лья, — произнесла она.

Голос был её. Тот самый — чуть хриплый по утрам, с мягкой интонацией. Но между слогами крошечной, едва заметной паузой вклинивался механический треск, будто звук пропустили через старый, зажёванный магнитофон.

Илья медленно опустил паяльник на металлическую подставку. Во рту стало горчит. Он посмотрел на её губы — неподвижные, чуть посиневшие — и впервые за всё это время ощутил, как по спине между лопаток стекает холодный, липкий пот.

1 глава

Утро того дня было самым обычным, серым и безнадежно плоским, как немытое оконное стекло.

Илья помнил каждую мелочь, потому что память, в отличие от его разума, отказалась ломаться. Она работала с точностью швейцарского механизма, дотошно прокручивая одну и ту же ленту.

Они стояли на кухне. На столе остывал чайник, издавая тихие, подрагивающие звуки остывающего металла. Алина сидела на краю табурета, поджав под себя одну ногу, и смотрела не на него, а в окно — туда, где во дворе эвакуатор с визгом затаскивал на платформу чью-то помятую иномарку.

— Я так больше не могу, Илья, — сказала она тогда. Без истерики, без слез, с какой-то иссушающей, будничной усталостью. — Ты не со мной. Ты вообще ни с кем.

Он помнил, как у него внутри буквально физически перекалило какую-то деталь. Он ведь строил их жизнь как уравнение. Он высчитывал формулы, убирал из их быта всё лишнее, жертвуя сном, деньгами, нормальной работой, чтобы создать для них идеальное, закрытое от внешнего хаоса пространство. Он отдал этому всё. А она просто смотрела на все это и говорила, что ЭТО не работает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.